

Новые стихи

Анатолий Горпьякин

Поднебесные Зубья-2011

Разродилась электричка
Разношерстною гурьбой.
Гвалт, косички и вещички
Покатились над Лужбой.
В разных ракурсах и видах
Возбужденье торопыг.
Шаг – на вдох и два – на выдох –
Ритм надежный для тропы.
Не из робкого десятка
Пацаненок лет пяти
С рюкзаком, что бьет
по пяткам,
Весь маршрут готов пройти.
Энергичная мамаша –
Помогай ей бог в пути –
На мешке котел для каши
И младенец у груди.
Звонкой песней вьет узоры
Заводной туристский хор.
Мягкой тенью бродят взоры
В нежных складках
снежных гор.

* * *

Романтична переправа!
Лодка с виду не дырява.
Что ей двадцать тысяч лье –
В ней не Немо – Шевалье!
Хоть с такой же бородой,
Но душевной красотой
Чисто русский сибиряк.
Жизнь положит за ребят.
Томь-реки стремнину гладит,
С лодкой в перекате сладит.
Торс напрягся на шесте,

Лик играет на кресте.
Зычный голос над рекою:
«Рюкзаки – на нос горою,
Да детишек потесней
Усадите побыстрей!».
За спиной реки преграда.
Берег правый – как награда,
Где счастливая звезда
Молвит: «Здравствуйте
всегда!».

* * *

По тропе, проторенной
пророком,
Дети века с верой, без нытья,
Сбросив городскую пыль
пороков,
Шли к себе и к сути бытия.
Юные, решительные, смело
По обрывам, кручам, ввысь
к мечте
Силой духа возносили тело
К той, своей, заветной высоте.
И чем выше поднимались
в горы,
Погружались больше
вглубь себя,
Разбирая сущности заторы,
В мир смотрели
с радостью, любя.

* * *

Оглушенный топотом и ревом,
В ужасе метался снежный барс.
Звезды гасли в пламени

Ветер и дождь не помешали юным участникам похода в Кузнецкий Алатау увидеть красоту и величие гор. Фото Евгения Золотухина.

суровом –
Налетел на Зубья смерч-хакас.
Свод небесный заглохли тучи,
Раной кровоточил край луны.
И катились слезы
снежной кручи
По щекам разбитой тишины.

* * *

Землю мы очистили от гари,
Смыли пепел с трав
и лепестков.
На своих ладонях
птичьим парам
Свили гнезда в тишине лесов.

В свежей зелени
сияют срубы –
Для туристов
будет здесь уют.
И с улыбкой
каменные губы
Песни с ребятнею запоют.

Рассказ

Странный сон

I

Иду домой по проспекту. Под ногами – жижа, над головой – небо цвета алюминиевой проволоки, слева и справа – магазины, магазины... Ноги промокли, руки замерзли...

Добрела до подъезда, вхожу в теплую квартиру... Света нет.

- Чертов ЖЭК, вечно у него какие-то аварии.

В темноте шарю по подоконнику, нахожу и зажигаю свечку. Немного поразмыслив, чем заняться, решила почитать книгу. Схватила с книжной полки недочитанного Симонова и плюхнулась в кровать.

«...Всем спасшимся в первые минуты там, на шоссе, теперь каждый шаг в ту или другую сторону сулил другие случайности и опасности, другую жизнь и другую смерть...».

Я не заметила как начала засыпать, последние прочитанные слова еще пульсировали в голове, но вскоре растворились в глубоком сне.

II

Я зашла во двор, не могу сообразить, где нахожусь. Вокруг много раненых, медсестра в окровавленном халате плачет, прислонившись к дубу. Понемногу узнаю местность: это старый дом моей прабабушки – деревянное крыльцо с высокими ступенями и резные перила, поодаль дуб, усыпавший желудями землю, а там дальше – забор, в котором третья с левого конца штaketина выбита, и в эту дыру постоянно пролезали куры.

Но сейчас этот гостеприимный приветливый дом похож на сарай, на хлев, на что-то грязное

и непотребное. Крыльцо залито кровью, везде лежат раненые, прямо на бревнах, все в саже и копоти.

Ко мне подошла девушка в перепачканном халате:

- Чего стоишь, видишь, рук не хватает? Какая пухленькая, это где ж тебя так кормят в войнуто? Ладно, пошли со мной.

Мы пошли к сараю, который стоял возле забора, рядом с курятником. В сарае раньше хранился всякий садовый инвентарь, теперь здесь медицинский склад. Мне выдали халат, козынку и санитарную сумку, набитую бинтами.

- Иди, перевязывай раненых, тех, что полегче, – я сейчас пойду, покажу, что дальше делать.

Я взяла сумку, надела халат, но он оказался немного великоват, поэтому пришлось подвернуть рукава.

«Хорошо, что в свое время окончила курсы медсестер», – эта мысль билась в голове как спасение от паники. Я собралась с мыслями и зашагала к раненым.

Подошла к одному парню, на вид ему лет восемнадцать-девятнадцать. Он сидел молча, прислонившись к завалинке. Его лицо покрылось крупными каплями пота, а глаза были такими уставшими и такими грустными, что хотелось заплакать, глядя в них. Тряпки, которыми была перемотана рука парня, пропитались кровью и подсыхали на солнце, что делало их грязно-коричневыми.

- Как тебя зовут? – начинаю говорить, одновременно снимаю с руки подобие повязки.

- Костя.
- Что с рукой?
- Да осколки, болит зараза, сил нет. Но я терплю, а то командир застыдит.

- Ты молодец. Сейчас посмотрим, что там у тебя, – сняла повязку: кровь остановилась, но рана начала мокнуть.

- Кость, ты посиди, я сейчас за спиртом сбегаю.

- Да куда уж мне? Посижу, – парень закрыл глаза и тяжело вздохнул.

В поисках спирта я зашла в дом: там не было свободного места. Кругом стояли, видно, на скорую руку сколоченные, дощатые лежанки. Здесь находились тяжелораненые.

- Где спирт взять? – спросила у первой попавшейся медсестры.

- Да вон, в шкафу, видишь?

Я начала пробираться за спиртом. Ноги разъезжались: на полу было много крови. Ужасный запах гнилой картошки наполнял комнату, он был настолько резким, что мне стало дурно. Схватив бутылочку со спиртом, я поспешила обратно на улицу вдохнуть свежего воздуха.

На крыльце кто-то курил, выйдя из дома, я почувствовала резкий запах табака, он казался таким приятным, что тошнота сразу отступила. Костя был на том же месте.

На руке сидело несколько мух – запах крови привлекал к ране всякую гадость. Я согнала насекомых и начала перевязку. Сначала руки тряслись от страха, но потом я приоровилась. Оказалось все не так ужасно. Пока шла перевязка, Костя уснул. Глядя на измученного, ху-

дого парня, я подумала: «А вот и мой первый пациент. Сколько еще их будет?» - и ведь никакой паники.

- Чего задумалась? – снова та девушка, в перепачканном халате.

- Да так, думаю: кормить скоро будут? – мы обе рассмеялись.

- Вода закончилась, надо натаскать. Вон две бочки стоят, колодец отсюда около километра в сторону леса. Ведра возле сарая.

- Да знаю.

- Ну тогда чего стоишь? Беги давай, а то шприцы не в чем кипятить.

Я схватила два ведра, коромысло и потопала к колодцу. Шла и думала, о том, что со мной произошло. Мне казалось, что я вроде как на своем месте, что все так и должно быть. Не придумав внятного объяснения происходящему, перестала забивать голову подобными мыслями.

Было очень жарко, настоящий солнцепек. Такая тишина, даже птицы не пели, только бухало где-то неподалеку, и эхо разносилось на всю округу. Земля под ногами была твердая, вся в мелких трещинках. Деревья стояли прямо, их кроны не качал ветерок, только солнце, казалось, хочет выпарить из них все соки.

Я дошла до колодца, привязала веревку к ручке ведра (и откуда мне известно, что делать надо именно так) и бросила его вниз. Ведро с водой оказалось таким тяжелым, что ворот поддался с трудом...

Вдруг в лесу что-то треснуло, эхо разносилось мгновенно. Посмотрела по сторонам – ни-

кого нет. Сбросила второе ведро в колодец. И в этот момент из леса вышел парень. Одет он был в черную немецкую форму, я такую видела в кино. Солдат был рыжим, на солнце его волосы казались красными.

Парень что-то бормотал на своем языке и улыбался, при этом держа меня на мушке автомата.

И тут я четко осознала, что сейчас он меня убьет. Что не помогут ни крики о помощи, ни мольбы – он просто меня убьет. Я закрыла лицо руками и сильно зажмурилась: «Только бы все было быстро». Раз – и нет меня. Но солдат смеялся, тянул время. Веснушки делали его лицо гадким, мерзким.

Он смеялся надо мной, над моей беззащитностью. Я стояла, не шелохнувшись с зажмуренными глазами. Щелчок, хлопок...

Кровь стекала по виску горячей струйкой...

III

Послышалась музыка. Я очнулась. Проснулась от того, что сотовый наигрывал приятную мелодию, а собака лизала горячим языком мой висок. Звонила мама:

- Баба Оля умерла, два часа назад, – ей было сто лет.

Эпилог

В годы Великой Отечественной войны в доме моей прабабушки под Курском действительно был госпиталь. А бабушка с четырьмя маленькими детьми переселилась в погреб. В этом доме до сих пор на полу пятна впитавшейся крови.

Нина Майоршина